

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 22-го Мая 1911 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 10298.

Рѣшительная пара.

(Миниатюра).

— Какъ хо-
чешь, Андрю-
ша, а намъ не-
премѣнно слѣ-
дуєтъ отказать
Василисѣ! ска-
зала Марья Ми-
хайловна мужу,
только что вер-
нувшемуся со
службы и сѣв-
шему за обѣдъ.

— Я это тебѣ
давно говорю!
— воскликнулъ
съ одушевле-
ниемъ мужъ.—
Отказать безпо-
воротно и рѣ-
шительно. Безъ
всякихъ ком
промиссовъ. За-
чѣмъ медлить,
зачѣмъ разду-
мывать? Какъ
рѣшитель-
ные люди, мы
привыкли идти
прямымъ пу-

Открытие памятника королевѣ Викторії.

— Это на лампѣ, которую
намъ подарила бабушка?

— Да.

— Досадно! Кажется, не
такъ уже трудно было отне-
стись побережнѣе къ подарку
почтенной старушки?

— Подожди: она не просто
разбила колпакъ, Андрюша, а
разбила отвратительно, гадко.
Со всякимъ можетъ случиться
несчастіе: задѣнешь, ударишь.
Нѣтъ, она разбила колпакъ
потому, что несла лампу одной
рукой, хотя я запрещала ей
это дѣлать.

— Дорогую лампу — одной
рукой? Господи, да этакъ, чего
добраго, она скоро жонглиро-
вать лампами будетъ!

— Лампа выскользнула у нея
изъ руки, но она успѣла ее
поймать, а колпакъ разбился.
Это бы еще ничего. Единствен-
но, чтобы испугать ее, я сказа-
ла, что вычути цѣну колпака
изъ жалованья. И что же, ты
думаешь, она сдѣлала?

— Не предвижу ничего поря-
дочного.

— Вместо того, чтобы изви-
ниться, она наговорила мнѣ кучу
грубостей.

— Я такъ и ждалъ.

— Нахалка заявила: „что жъ, вычи-
тайте, ежели совѣсти хватитъ“. Когда-
же я сказала, что каждый долженъ
платиться за свою небрежность, она
начала только что не кричать: и жад-

ные-то мы, и
живеть-то она
у насъ чуть не
задаромъ, и что,
если мы за вся-
кій вздоръ будемъ взыски-
вать, такъ ей
еще приплачивать
намъ при-
дется, не говоря
уже о ея работѣ.

— Ну, и что
же?

— Я тотчасъ
же хотѣла крик-
нуть ей, что
она можетъ
брать свой пас-
портъ и ухо-
дить на всѣ че-
тыре стороны,
если недоволь-
на нашимъ жа-
лованьемъ.

— Такъ и
слѣдовало сдѣ-
лать!

— Да, я хо-
тѣла рѣшитель-
но крикнуть!

— Но... поче-
мужъ ты не

Статуя королевы Викторії,

находящаяся на лицевомъ фасадѣ, въ центрѣ па-
мятника, открытаго въ Лондонѣ 3 (16) мая.

темъ. Любопытно, что сегодня сдѣла-
ла эта нахалка?

— А вотъ я тебѣ разскажу по по-
рядку. Во первыхъ, она разбила на
лампѣ колпакъ.

Бронзовая „Побѣда“, вѣнчающая памят-
никъ королевѣ Викторії.

крикнула, Маня?

Жена потупилась и сказала смущенно:

— Видишь ли, я хотѣла дождаться
тебя и посовѣтоваться.

ДЕНЬ БЪЛОЙ РОМАШКИ

— Да о чём же тутъ совѣтоваться? Отказала бы ей, и дѣло съ концомъ.

— Ну, все-таки, ты хозяинъ, Андрюша. Какъ ты.

— И я то же самое повторю: скатертью дорога. Василиса такая нахалка, какихъ еще свѣтъ не создавалъ. Я радъ-радешенекъ отъ нея избавиться.

— Вотъ и отлично. Послѣ обѣда и откажи ей.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ. Я все думалъ, что ты къ ней привыкла.

— Ну ее. Представь, отъ этой Василисы и дая покойнаго не имѣю, часа покойнаго. Лѣнива она, какъ я уже и не знаю что. Неаккуратна, неряшлива; кромѣ того, и самое главное—груба и дерзка. Ну, самъ посуди, съ какой же стати за свои собственныя деньги держать такую прислугу? Вѣдь, она же не задаромъ живеть, а за жалованье.

— Само собой... Гм... гм... а что у насъ есть на третье, Маничка?

— На третье? Сегодня я не подготовила на третье ничего.

— Гм... напрасно. Ну, посиди за столомъ, я хоть чашку молока выпью.

Мужъ налилъ себѣ молока и началъ отпивать понемножку самыми крошечными глотками.

— Хорошая вѣшь—молоко. Я уже и еще одну чашечку выпью, — вздохнулъ онъ.

— Пей на здоровье.

— Мм... да... выйду въ кухню и рѣшительно скажу: „Ступай. Ты намъ не нужна больше, Василиса. За свои деньги мы всегда найдемъ прислугу не-

У городского парка.

Городской домъ.

На Николаевской площади.

лѣнивую и скромную. Такую прислугу, которая не станетъ бить на дорогихъ лампахъ, подаренныхыхъ бабушкой, колпаковъ и не будетъ говорить дерзостей ни мнѣ, ни Манѣ. Я, вѣдь, всего не рассказываю тебѣ, Маня, а Василиса очень дерзка.

— Кому говоришь ты?! Она помнить меня еще маленькой и позволяется себѣ невозможные вещи.

— Всему должны быть границы! Всему долженъ быть предѣлъ!

— Конечно.

— Пойду, вотъ, въ кухню да и скажу ей рѣшительно: „Василиса, ты намъ больше не нужна“.

— Такъ и слѣдуетъ.

Мужъ допилъ вторую чашку мо-

лока, хотѣль налилъ третью, но раздумалъ.

— Будетъ,—сказалъ онъ.—Пойду.

— Ступай, ступай.

Мужъ рѣшительно всталъ съ мѣста и правился къ двери.

— А, можетъ бы тебѣ самой лучше скажать?—спросилъ онъ неожиданно остановившись въ дверяхъ.

— Почему же это сдѣлала жена болѣе глаза.

— Ты—хозяйка.

— А ты—хозяинъ!

— Ну, хорошо, хорошо. Слушай, какъ стану отказывать.

Онъ пошелъ дальшѣ рѣшительно распахнулъ дверь, рѣшительно сказалъ: „Василиса“! И вдругъ голосъ его прервался, и онъ уже совсѣмъ нерѣшительно закончилъ: „подай-къ мнѣ стаканчикъ воды“.

Онъ возвратился и вѣтъ на изумленыи взгляди жены шепнулъ

— Плачетъ.

— Плачетъ?—нѣдовѣрчиво переспросила жена.—Притворяется. Комедія играетъ, Андрюша.

— Ну, нѣтъ, не скажи. Все-таки давно жила и, само собою, привыкла.

— Плохо я ей вѣрю, Андрюша.

— Положимъ, особыхъ-то резоновъ вѣрить, дѣйствительно, нѣтъ.

— Конечно, нѣтъ. Поди и откажи какъ рѣшили.

Мужъ нахмурился.

— Ну, зачѣмъ же идти? Она сюда сейчасъ принесетъ воду и будетъ убирать со стола.—Съ заплаканными глазами и съ выражениемъ обиды на лицѣ Василиса внесла воду. Глава дома вздохнулъ, но ничего не сказалъ и началъ торопливо пить изъ стакана.

На улицѣ.

ВЪ ХАРЬКОВЪ 14 МАЯ.

— Андрюша! — коварно сказала жена. — Ты хотѣлъ что-то сказать Василисѣ.

— Я?! — широко открылъ глаза мужъ.

— Ты.

— Да... хотѣлъ что-то, но запамятали. Припомню и скажу, а теперь совсѣмъ изъ ума вонъ. Послѣ.

— Что же ты дѣлаешь, Андрюша? — спросила Маничка, качая головой, по уходѣ Василисы.

— Нельзя же сразу, — про бормоталь задумчиво рѣшительный человѣкъ. — Нужно обсудить. Я вотъ полежу на диванѣ послѣ обѣда и обдумаю: какъ и что, въ какой формѣ. Сразу нельзя.

— Не понимаю, чего оттягивать? Я бы, на твоемъ мѣстѣ, прямо сказала.

— Такъ ты и скажи.

— Ну, вотъ! Господи, вѣдь, я уже говорила, что ты — хозяинъ.

— А ты — хозяйка.

За вечернимъ чаемъ рѣшительный человѣкъ махнулъ рукой и сказалъ совсѣмъ нерѣшительно:

— А знаешь, Маня, стоитъ ли отказывать Василисѣ?

У городского театра.

Въ Университетскомъ саду.

— Почему же и нѣтъ?

— Ну что такое — разбитый колпакъ? Вздоръ, ерунда. А мы изъ-за него цѣлую бучу подняли. Не человѣкъ для субботы и человѣкъ не для колпака. Отказать можно, но Василиса давно живетъ у насть, и куда она пойдетъ, если мы ей откажемъ?

Рѣшительная женщина задумчиво пощипала баҳромъ у скатерти.

— Пожалуй, ты правъ, — сказала она. — Она груба, но честна. Возьмемъ другую и можемъ попасть на воровку. Если бы Василиса была не такъ груба.

— Это было бы хорошо. Но, съ другой стороны, и мы... и мы...

Мужъ замялся.

— Что такое?

Во все время осады евнухамъ приходилось съ большимъ трудомъ сдерживать многочисленныхъ жительницъ гарема, которые то подымали общій плачъ и вой, слышный даже на улицахъ Феца, то стремились выбѣжать къ внѣшнимъ стѣнамъ, чтобы увидѣть собственными глазами, что собственно происходит, изъ-за чего надъ Фецомъ то и дѣло свистятъ пули.

Бывали моменты, когда обитательницы гарема приходили въ полное отчаяніе, не надѣясь больше на спасеніе. Тогда онъ начинали упаковывать драгоценности, словно собираясь въ предстоящей имъ путь, причемъ неоднократно изящные пальчики той или другой красавицы по ошибкѣ касались не принадлежащей ей собственности.

По ночамъ тревога носила прямо ужасающій характеръ. Свистъ пуль и крики часовыхъ на стѣнахъ Феца будили обитательницъ гарема, думавшихъ, что наступаетъ ихъ послѣдній часъ. Съ воплями онѣ забивались въ углы, дрожа всѣмъ тѣломъ ища одну у другой защиты.

Но вотъ подымалось зарево: загорался какой-нибудь домъ въ

Въ городскомъ паркѣ.

— И мы обращаемся съ ней не какъ съ виконтессой, Манюша.

Жена молчала; мужъ барабанилъ пальцами по краю стола.

— Такъ какъ же ты думаешь?

— нерѣшительно спросилъ мужъ.

— Не поставить ли крестъ надъ колпакомъ бабушки?

— Пожалуй... — еще нерѣшительно отвѣтила жена.

Рѣшительные люди, обнаруживъ мало рѣшильности, принялись за чай; но странно: имъ было весело, и на душѣ у нихъ пѣли птицы, какъ будто они только что прославились какимъ-нибудь рѣшильнымъ подвигомъ, и этому подвигу дивился весь жалкій, убогій, слабохарактерный міръ...

А. Грузинскій.

ГАРЕМЪ МУЛАЙ-ГАФИДА.

Вступленіе французскихъ войскъ въ осажденный возставшими племенами Фецъ сопровождалось вздохомъ облегченія не только всѣхъ осажденныхъ и многочисленныхъ европейцевъ, съ тревогой ожидавшихъ прибытія европейского войска, но и тѣхъ прекрасныхъ дочерей Востока, которыхъ проводятъ дни и годы въ ничегонедѣланіи въ прекрасно отстроенныхъ помѣщеніяхъ гарема султана Мулай-Гафіда.

Фецѣ, часто горѣли поселенія за его стѣнами. Красный свѣтъ врывался въ окна дворца, и испуганные женщины бились головами о стѣны, рвали на себѣ волосы, раздирали себѣ ногтями тѣло, старались проломить двери, чтобы вырваться на волю.

Раньше же, до того какъ Бени-Мтеръ поднялъ знамя восстанія противъ султана Мулай-Гафіда, жизнь въ его гаремѣ протекала настолько спокойно, настолько безмятежно, что жены и наложницы султана не знали, чѣмъ разогнать свою скуку. Слушать по цѣлымъ днямъ журчаніе фонтановъ и ѡсть финики и миндали — это быстро надоѣдало и пріѣдалось.

Но протестовать было невозможно. Въ гаремѣ мароккскаго султана введена строжайшая дисциплина, и горе той обитательницѣ, которая дастъ волю своимъ импульсамъ: ее ждеть строжайшая кара. Дисциплина поддержи-

вается только устрашающими наказаниями, потому что хорошихъ евнуховъ теперь мало, а при гаремѣ сultана Мулай-Гафыда ихъ совсѣмъ немногого.

Вся прислуга гарема—черная какъ смоль негритянки, которая моютъ плитки потовъ, слѣдятъ за чистотой бѣлья и наблюдаютъ за запасами молока, являющагося наивысшимъ лакомствомъ для обитательницъ гарема. Негритянки, выказавшія особую преданность сultану, наблюдаютъ за прислугой, а евнухамъ остается лишь безотлучно дежурить у дверей.

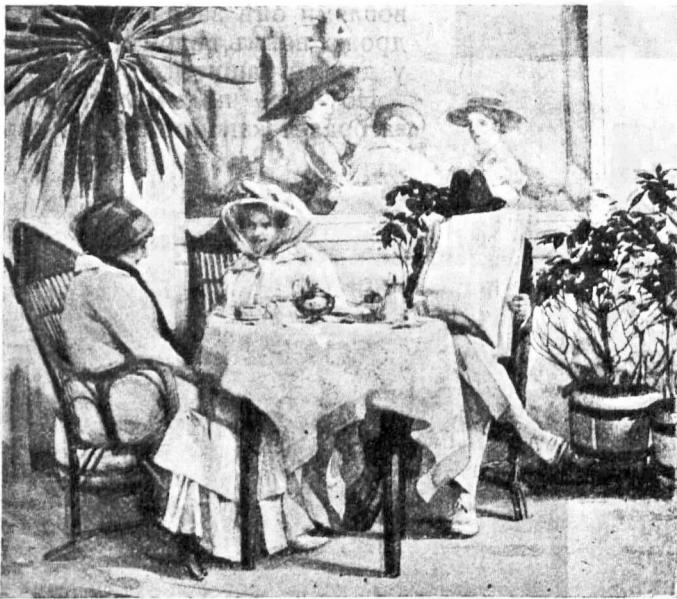
Жены сultана дѣлятся на двѣ категории: на законныхъ и на побочныхъ. Первая живутъ каждая въ особыхъ помѣщеніяхъ дворца, послѣдня групируются въ общихъ помѣщеніяхъ по личному желанію, но по отношенію къ своему повелителю каждая изъ нихъ имѣетъ свои опредѣленныя обязанности, прислуживая ему во время ъды или купанья.

Нѣкоторые изъ нихъ носятъ название „женщинъ кувшина“ или „женщинъ мыла“. Та, которая обливаетъ сultана свѣжей водой, не имѣетъ права подать ему полотенце. Во время ъды обязанности между женами распредѣ-

В. О. Ключевскій.

Историкъ, профессоръ, почетный членъ московского университета. Скончался 12 мая.

— Ахъ, мама, кузенъ Фрицъ былъ такой меланхоличный. Онъ все восклицалъ: только одинъ поцѣлуй и умереть.

— Ну и что же ты сдѣлала?

— Я дала ему два.

(„Flieg. Bl.“).

быстроѣшими конями наилѣпѣшими женщинъ своего племени, но сultанъ въ этомъ отношеніи плохой патріотъ: онъ предпочитаетъ женщинъ изъ отдаленныхъ странъ, а присланныхъ ему въ подарокъ посылаетъ, въ свою очередь, своимъ братьямъ, любимцамъ и приближеннымъ...

СМѢСЬ.

Семейная статистика со временемъ Франціи.

Какъ сообщаетъ „Univers“, въ настоящее время во Франціи 1.300,000 холостяковъ свыше 30-лѣтняго возраста и нѣсколько больше незамужнихъ женщинъ тѣхъ же лѣтъ.

1.804,710	сем. не им.	ни одного ребенка.
2,966,171	сем. имѣютъ	1 ребенка.
2,661,978	"	2 дѣтей.
1,643,415	"	3 "
987,392	"	4 "
566,708	"	5 "
327,341	"	6 "
182,998	"	7 "
94,719	"	8 "
44,728	"	9 "
20,639	"	10 "
8,305	"	11 "
3,508	"	12 "
1,437	"	13 "
554	"	14 "
229	"	15 "
79	"	16 "
89	"	17 "

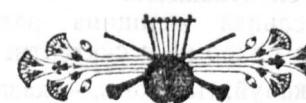
— Ваше объявленіе о желаніи выйти замужъ будѣть помѣщено немедленно. Мы его печатаемъ уже въ сегодняшнемъ вечернемъ номерѣ.

— Дѣвица. Ну, это уже не въ такой степени къ спѣху.

(„Flieg. Bl.“).

Кельцо королевы Елизаветы.

Въ свое время мы разсказывали исторію рокового кольца, недаренаго королевой Елизаветой ея фавориту, лорду Эссексу. Въ день продажи этого кольца огромная толпа публики собралась въ аукционномъ залѣ Кристи. Тщетно богатые американцы предлагали огромныя суммы за историческое кольцо,—оно все-таки осталось въ Англіи: его приобрѣлъ лордъ Микельгемъ за 3,412 фунтовъ стерлинговъ.

лены до мелочей. Самая красивая изъ нихъ стоитъ неподвижно со старинной амфорой на плечѣ, которую она по знаку сultана опускаетъ въ прохладный бассейнъ, чтобы дать ему напиться.

Среди обитательницъ гарема много уроженокъ Аравіи, дочерейnomадовъ, которая въ дѣствѣ нагишомъ бѣгали по раскаленному песку пустыни и засыпали подъ крикъ верблюдовъ; есть нѣкоторые негритянки, купленные на африканскихъ рынкахъ. Есть уроженки Малой Азіи, есть персіянки, нѣкоторые привезены въ подарокъ сultану съ береговъ далекаго озера Чадъ.

Всѣ губернаторы сultана—по большей части начальники племенъ—ежегодно посылаютъ сultану въ подарокъ на ряду съ сильнейшими мулями и